

УДК 94(517)

РОДИОНОВ Владимир Александрович – доктор политических наук, доцент Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; vladimir_198025@mail.ru)

«МЯГКАЯ СИЛА» МОНГОЛИИ ПЕРИОДА СОЦИАЛИЗМА

Аннотация. В статье исследуется вопрос о стратегии, формах и методах внешней политики Монгольской Народной Республики в период «холодной войны». Монголия в социалистический период, несмотря на свой ограниченный внешнеполитический потенциал, успешно отстаивала собственные интересы, используя преимущества малой страны. Важными факторами «мягкой силы» Улан-Батора являлись этнокультурные и религиозные связи с народами Востока, общее постколониальное прошлое и стремление к преодолению его наследия, отсутствие амбиций великой державы. Будучи тесно связанной союзническими отношениями с СССР, Монголия активно участвовала в расширении и укреплении социалистического блока в постколониальной Азии.

Ключевые слова: Монголия, внешняя политика, социализм, «мягкая сила», «холодная война»

Деление государств мира на великие державы и малые страны является сложившейся традицией в теории международных отношений [Кеннеди 2020]. Первые, обладая широким арсеналом методов ведения внешней политики, как правило, играют ведущие роли на мировой арене. Малые же страны, часто лишённые значительного внешнеполитического потенциала (прежде всего военного и экономического), стремятся отстаивать свои интересы другими, более мягкими методами. Иными словами, использование «мягкой силы» стало одним из заметных признаков внешнеполитической стратегии малых стран.

Современная Монголия по ряду признаков может быть отнесена к категории малых стран. Такие показатели, как численность и плотность населения, объём экономики, размер вооружённых сил, несопоставимы с аналогичными показателями стран – соседей Монголии – России и Китая, а также иных великих держав. Осознавая свою «малость», Улан-Батор предпочитает проводить политику лавирования между основными центрами силы мировой политики, в т.ч. прибегая к «мягкой силе».

Придание «мягкой силе» (монг. – *зоёлон хүч*) институционального статуса в Монголии началось сравнительно недавно. В утверждённой монгольским правительством в 2016 г. Программе по пропаганде Монголии за рубежом описывается перечень мероприятий культурно-просветительского, научного, информационного характера для создания благоприятного имиджа страны в зарубежных странах¹. О монгольской национальной культуре как факторе в международных делах Монголии упоминается в таких официальных документах последних лет, как Программа долгосрочного развития («Видение-2050»)², и Стратегический план «Монгольская культура – монгольское здоровье»³. Значимость «мягкой силы» подчеркнул президент Монголии Х. Баттулга на

¹ Программа «Популяризация Монголии за рубежом». Доступ: <http://www.mongolnow.com/programma-popularizatsiya-mongolii-za-rubezhom/> (проверено 23.07.2023).

² Алсын хараа 2025. Доступ: <http://vision2050.gov.mn/> (проверено 23.07.2023).

³ «Монгол соёл, монгол баялаг» стратеги төлөвлөгөө хэрэгжүүлнэ. Доступ: <https://dnn.mn/монгол-соёл-монгол-баялаг-стратегии-төлөвлөгөө-хэрэгжүүлнэ/> (проверено 23.07.2023).

встрече с работниками главного национального архива: «Без сомнения, родной язык и родная история очень важны в политике “мягкой силы”, направленной на сохранение независимости, национальной идентичности и иммунитета страны»¹.

Между тем было бы не совсем корректно утверждать, что обращение Монголии к методам «мягкой силы» есть практика, относящаяся исключительно к постсоциалистической эпохе в истории страны. Изучение более ранних страниц истории внешней политики Монголии может пролить свет на истоки того, что Дж. Най в 1990 г. назвал «мягкой силой».

Проявления монгольской «мягкой силы» некоторые авторы видят еще в эпоху кочевых государств, включая империю Чингисхана [Ариунгуа 2022: 30-34]. Не оспаривая данные утверждения, в этой статье попытаемся сосредоточиться на социалистическом периоде. Говоря о внешней политике Монголии периода социализма, необходимо принимать во внимание общий контекст того времени, связанный прежде всего с глобальным противостоянием двух сверхдержав – СССР и США, олицетворявших собой две модели общественного развития. Соответственно, внешнеполитические шаги МНР как верного союзника Москвы так или иначе были обусловлены этим противостоянием.

Пожалуй, одним из первых известных случаев использования руководством МНР методов «мягкой силы» может быть признана попытка разыграть этническую карту накануне и во время войны с Японией в августе 1945 г., в монгольской историографии известной как Освободительная война. Речь идет о попытке получить поддержку со стороны монгольского населения Внутренней Монголии, оккупированной японцами. Как пишет К. Этвуд, за несколько дней до объявления войны и сразу после ее начала пресса МНР активно освещала тему воссоединения всех монгольских племен в едином государстве. Партийная газета «Унэн» («Правда»), с середины июля 1945 г. выходящая на кириллице, вернулась к старомонгольскому шрифту в номере от 11 августа, предположительно, для охвата большей читательской аудитории не только внутри МНР, но и в освобожденных районах Внутренней Монголии. Сообщается, что по мере продвижения монгольских войск во Внутренней Монголии было напечатано и распространено 34 тыс. листовок, призывающих к объединению [Atwood 1999: 148].

Помимо фактора общемонгольской солидарности, не менее важным являлся буддийский фактор. Пережив период государственных гонений 1930-х гг., буддийская церковь Монголии была частично реабилитирована во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг., а ее служители стали привлекаться к некоторым внешнеполитическим акциям руководства МНР.

В 1950-х гг. Япония стала одним из негласных лидеров в международном антиядерном движении, спровоцированном серией ядерных испытаний США на атолле Бикини. Улан-Батор, стремясь поддержать инициативы Токио, направил в Японию свою делегацию, включавшую нескольких лам [Сэржав 2019: 42]. Наличие буддийских священников скорее всего должно было подчеркнуть культурно-религиозную близость двух стран и тем самым способствовать дальнейшей нормализации двусторонних отношений. Иными словами, буддизм с этого периода стал важным каналом народной дипломатии МНР.

Самым ярким примером использования буддийского фактора во внешней политике МНР является создание в 1970 г. международной неправительствен-

¹ Х. Баттулга: Архив бол Монголын «зөөлөн хүч»-ний бодлогыг хэрэгжүүлэх нэг гол байгууллага. Доступ: <https://montsame.mn/en/read/194966> (проверено 23.07.2023).

ной организации буддистов стран Азии «Азиатская буддийская конференция за мир» (АБКМ). Данная организация, появившаяся в т.ч. по инициативе Хамбо-ламы Монголии С. Гомбожава, со штаб-квартирой в Улан-Баторе декларировала преимущественно антивоенные цели и достижение мира в Азии [Абаева 2021: 51]. С учетом продолжавшейся в те годы американской агрессии во Вьетнаме цели данной организации звучали крайне актуально и злободневно. Во время работы V съезда АБКМ (июнь 1979 г.) его почетным гостем стал Далай-лама XIV, впервые посетивший Монголию. Политическая подоплека участия тибетского первосвященника проглядывалась довольно четко. Монголо-китайские отношения, равно как и советско-китайские, в то время переживали серьезный кризис. Приграничный конфликт КНР с Вьетнамом в начале 1979 г. лишь обострил и без того напряженные отношения между сторонами. На этом фоне приглашение Далай-ламы XIV, находящегося с 1959 г. в остром конфликте с китайскими властями, выглядело вызовом и средством давления на Пекин.

МНР, признавая себя «младшим братом» Советского Союза, нередко приходила на помощь ему там, где прямое участие Москвы было либо невозможно, либо ограничено. Будучи малой страной, Монголия не должна была вызывать подозрений по поводу империалистических/гегемонистских намерений, в чем Запад часто обвинял СССР. Кроме того, сама Монголия, относительно недавно обретшая статус независимого государства, являла собой пример молодой страны, вставшей на путь построения социализма. Таким образом, активная дипломатическая деятельность монгольских руководителей в постколониальной Азии стала значимой составляющей политики укрепления социалистического содружества.

Одним из направлений монгольской дипломатии было северокорейское. МНР стала второй страной после СССР, установившей дипломатические связи с КНДР (15 октября 1948 г.). Во время корейской войны Улан-Батор, однозначно поддержавший Пхеньян, оказал ему разностороннюю помощь. По данным Ц. Батбаяра, начиная с 1951 г., из МНР в Корею было направлено как минимум 6 эшелонов с подарками, в т.ч. около 200 голов скота (лошади, коровы, овцы и козы), 5 000 т пшеницы, 7 320 т продуктов питания, 10 тыс. шинелей, 10 тыс. пар валенок, 10 тыс. пар ватных рубашек и штанов, 10 тыс. пар ботинок. Всего за годы войны было поставлено около 7 000 тыс. лошадей. Кроме этого, в монгольских детских домах принимали и воспитывали около 200 корейских сирот, потерявших своих родителей во время войны, около 30 северокорейских студентов бесплатно обучались в вузах МНР¹.

Оказывая экономическую, гуманитарную и моральную поддержку КНДР, Монголия сама расширяла круг зарубежных партнеров, укрепляла собственные позиции на международной арене. Дружественные шаги Улан-Батора, сделанные в отношении Пхеньяна в эпоху социализма, оказали благоприятное влияние на двусторонние отношения на многие десятилетия вперед. Даже в постсоциалистический период, несмотря на серьезные международно-политические изменения, отношения Монголии и КНДР остаются дружественными и доверительными. Так, Улан-Батор неоднократно становился переговорной площадкой для представителей КНДР, Республики Корея и Японии [Игнатов 2020].

Еще одним проявлением «мягкой силы» МНР в Азии была ее активная роль

¹ Монголоос Хойд Солонгосын армид 7000 агт морь бэлэглэж байжээ. Доступ: <https://medee.mn/p/79526> (проверено 23.07.2023).

в борьбе за лояльность стран – членов социалистического блока, расколовшегося с началом советско-китайских открытых противоречий. Улан-Батор через различные государственные и партийные каналы, используя свои особые доверительные отношения с КНДР и Вьетнамом, стремился отвернуть их от прокитайских позиций. Например, в октябре 1966 г. член Политбюро ЦК МНРП Д. Моломжамц в беседе с членом Политбюро ЦК Партии трудящихся Вьетнама Ле Тхань Нги заявил, что «раскольническая политика лидеров Коммунистической партии Китая выгодна врагу и создает трудности для решения вьетнамского вопроса» [Radchenko 2003: 21].

Борьба «за умы и сердца» народов Востока в послевоенный период включала в себя активные дипломатические усилия МНР и в отношении стран, не принадлежавших к социалистическому содружеству. В течение 1950–70-х гг. МНР установила дипломатические отношения и обменивалась официальными визитами с такой крупной азиатской страной, как Республика Индия. Первые официальные контакты между властями временного правительства Индии и МНР были установлены весной 1947 г. во время проведения в Нью-Дели конференции по азиатским отношениям. В итоге освободившаяся от британского колониального владычества Индия стала первой несоциалистической страной, с которой Монголия 24 декабря 1955 г. установила дипломатические отношения. Впоследствии государственный и партийный лидер МНР Ю. Цэдэнбал дважды, в 1959 и 1973 гг., совершил официальные визиты в Индию. В ходе второго визита была подписана совместная монголо-индийская декларация, включившая в себя такие принципы двусторонних отношений, как мирное сосуществование, уважение суверенитета и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела, стремление разрешения споров мирным путем и пр. [Родионов 2021: 105].

Важной основой монголо-индийских отношений в послевоенный период были общие проблемы и задачи двух стран, стремившихся преодолеть колониальное наследие и добиться полноценного международного признания. Во многом по этой причине Индия оказалась среди стран, последовательно поддерживавших вступление Монгольского государства в ООН. В своем выступлении на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1960–1961 гг.) премьер-министр Индии Д. Неру, выражая свою поддержку МНР, сказал следующее: «Почему Монголия должна оставаться вне ООН, когда многие страны уже приняты в ее ряды? Что она сделала не так? Какую ошибку она совершила, нарушив Устав (ООН)? Народ Монголии спокоен, а ее миролюбивые труженики твердо стремятся к прогрессу, и кажется абсолютно неправильным с принципиальной точки зрения не допускать ее к великой организации»¹.

Заметную роль МНР сыграла в вопросе о международном признании государства Бангладеш, возникшего по итогам индо-пакистанской войны 1971 г. Советская сторона, косвенно поддержавшая Индию в этом конфликте, опасалась обвинений в потворстве сепаратизму со стороны Пакистана и поддерживавших его США и КНР. На помощь пришла Монголия, ставшая соавтором проекта индийской резолюции в Генеральной Ассамблее в 1972 г., в котором содержался призыв признать новое независимое государство Бангладеш².

По мере изменения глобальной международно-политической обстановки во

¹ When the World Stood Aside, Mongolia Backed India in Recognising Bangladesh! URL: <https://www.thebetterindia.com/139407/mongolia-india-bangladesh-united-nations-1971-war/> accessed 23.07.2023).

² Ibid.

второй половине 1980-х гг. повестка монгольской дипломатии также претерпела некоторую корректировку. В течение 1987 г. МНР провела на своей территории два международных мероприятия, направленных на обсуждение инициативы Москвы по разоружению: Азиатско-Тихоокеанский международный молодежный и студенческий форум и Консультативную встречу представителей коммунистических и рабочих партий Азиатско-Тихоокеанского региона. В 1991 г. Монголия вступила в ряды Движения неприсоединения, тем самым подчеркивая свое стремление отойти от логики противостояния эпохи «холодной войны». В целом, на излете социалистического периода Улан-Батор сделал ставку на развитие своего образа нейтральной и внеблоковой страны, который он активно эксплуатирует в своей нынешней внешней политике [Родионов 2022].

Таким образом, вышеописанные события и факты показывают, что Монголия, понимая свои ограничения во внешнеполитических ресурсах категории «жесткой силы», уже в социалистический период активно и весьма успешно использовала свои преимущества малой страны. Нередко действуя в рамках большой азиатской стратегии СССР, Монголия вместе с тем преследовала и собственные интересы, расширяя круг международных партнеров и укрепляя многосторонние связи.

Список литературы

Абаева Л.Л. 2021. «Азиатская буддийская конференция за мир» в истории дипломатических взаимоотношений буддийского духовенства России (Бурятия) и Монголии – *Россия и Монголия в XX–XXI вв.: к 100-летию монгольской революции и установления дипломатических отношений*: сборник научных статей (науч. ред. В.Н. Пармон, Б.В. Базаров). Новосибирск: Изд-во СО РАН. С. 50-52.

Ариунгуа Н. 2022. Монголия и политика «мягкой силы»: исторические аспекты. – *«Мягкая сила» в российско-монгольских отношениях*: коллективная монография (отв. ред. В.А. Родионов, А. Нямдолжин). Иркутск: Оттиск. С. 30-45.

Игнатов И.А. 2020. Посредническая и миротворческая роль Монголии на Корейском полуострове в рамках концепции «третьего соседа». – *Проблемы Дальнего Востока*. № 6. С. 6-14.

Кеннеди П. 2020. *Взлеты и падения великих держав*. М.: Гонзо. 848 с.

Родионов В.А. 2021. Индия – «третий сосед» Монголии. – *Обозреватель*. № 8. С. 104-113.

Родионов В.А. 2022. «Мягкая сила» малых стран: опыт Монголии. – *Oriental Studies*. Vol. 15. No. 2. P. 228-243.

Сэржав Б. 2019. БНМАУ-ын энхтайвны төлөөлөгчдийн үйлажиллагаа хоёр орны харилцааны эхлэнд гүйцэтгэсэн үүрэг – *Дайны дараах Монгол-Японы харилцаан дахь ардын дипломат бодлогын үүрэг: өнгөрсөн, одоо, ирээдүй*. (ред. Ц. Батбаяр). Улаанбаатар: Монголын Япон судлалын нийгэмлэг. P. 41-55.

Atwood C. 1999. Sino-Soviet Diplomacy and the Second Partition of Mongolia, 1945–46. – *Mongolia in the Twentieth Century* (ed. by S. Kotkin, B. Elleman). N.Y.; London: M.E. Sharpe. P. 137-161.

Radchenko S. 2003. The Soviets' Best Friends in Asia: the Mongolian Dimension of the Sino-Soviet Split. – *CWIHP Working Paper No. 42*. Washington D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars. P. 2-30.

RODIONOV Vladimir Aleksandrovich, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Associate Professor at the Banzarov Buryat State University (24a Smolina St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670000; vladimir_198025@mail.ru)

SOFT POWER OF MONGOLIA IN THE SOCIALIST PERIOD

Abstract. The article studies the issue of the strategy, forms and methods of the foreign policy of the Mongolian People's Republic during the Cold War. Mongolia in the socialist period, despite its limited foreign policy potential, successfully defended its own interests, using the advantages of a small country. Key factors of Ulaanbaatar's soft power were ethno-cultural and religious ties with the peoples of the East, a common post-colonial past and the desire to overcome its legacy, and the lack of ambitions of a great power. Being closely tied by allied relationship with the USSR, Mongolia actively participated in the expansion and strengthening of the socialist bloc in post-colonial Asia.

Keywords: Mongolia, foreign policy, socialism, soft power, Cold War